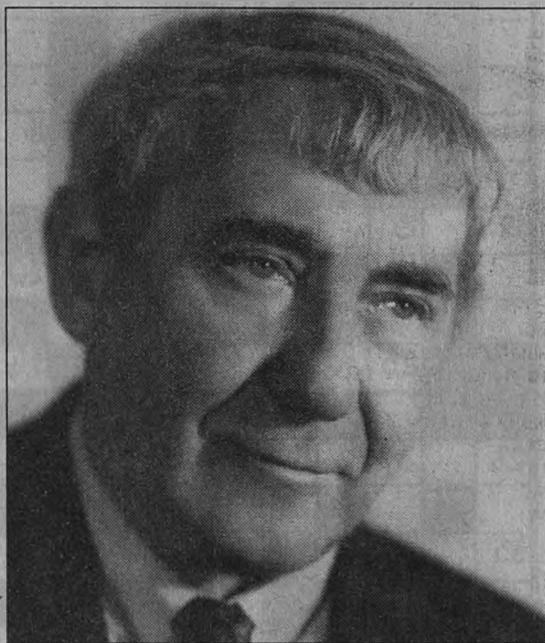

Счастливые дни несчастливого

Борис ПОЮРОВСКИЙ

Так когда-то назвал одну из своих пьес известный драматург **Алексей Николаевич Арбузов**. Слова эти в равной степени могут быть отнесены и к нему самому — автору «Тани», «Города на заре», «Годов странствий», «Домика на окраине», «Иркутской истории», «Старомодной комедии» и многих других пьес, на протяжении полувека занимавших первые строчки в репертуарных списках наших театров. Больше того, Арбузов был одним из немногих советских драматургов, чьи пьесы ставились по всему миру, и всюду они имели успех. Последние десять лет своей жизни он с трудом успевал перелетать из Японии в Испанию или в США на очередную собственную премьеру. И сегодня в Театре имени Моссовета можно увидеть его пьесу «Мой бедный Марат», а в «Ленкоме» — «Жестокие игры».

В июне 1958 года кабинет драматических театров ВТО устраивал в Щелыкове конференцию, посвященную жизни и творчеству Александра Николаевича Островского. Здесь когда-то находилось имение писателя, где он проводил долгие месяцы за письменным столом. Здесь же были написаны и многие его пьесы.

Устроители конференции в буквальном смысле слова сбились с ног, составляя списки гостей и участников, получая и рассылая письма и телеграммы, обдумывая программу пребывания в Щелыкове, куда должны были съехаться около ста актеров, режиссеров, художников, драматургов, критиков, театроведов. Всех надо встретить, разместить, обустроить время выступления, наконец отправить домой.

В те годы еще невозможно было купить билет сразу в оба конца. Поэтому по прибытии в Щелыково требовалось незамедлительно заказать билет на обратный путь. И не только до Москвы: ведь люди приезжали из разных мест. В любом случае от Щелыкова до Волги сперва надо было добираться на машине. Там на пароме переправиться на противоположный берег, чтобы оказаться в Кинешме. Оттуда уже уходят поезда, автобусы и теплоходы.

На конференцию приехало много волжан. Они сразу заявили, что желают вернуться домой исключи-

тельно по Волге. Прослышав об этом, Леонид Антонович Малюгин и Алексей Николаевич Арбузов — они дружили и жили в одной комнате — решили присоединиться к ним и заказали каюту 1-го класса до Москвы. Легко сказать «заказали». А как заказ этот выполнить? За сутки в Кинешме останавливается всего один теплоход, следующий

Таня — М. Бабанова

до Москвы. Билет на него стоил тогда примерно столько же, что и на поезд. Поэтому отпускники охотно покупали «кругосветку» по маршруту Москва — Астрахань — Москва, и втиснуться на теплоход можно было разве что на палубу, где обычно коротают время пассажиры, направляющиеся до ближайшей пристани. К примеру, от Ки-

нешмы до Ярославля или Горького можно добраться в тот же день. Но до Москвы теплоход идет двое суток! Не очень-то разгуляешься на палубе даже при условии, что вообразишь себя Паратовым в окружении цыган. (Кстати, не иначе как с целью поддержать репутацию «Бесприданницы» цыган и сегодня на Волге такое множество, что диву даешься: куда они устремляются? Отчего не сидится им на месте?..)

И все-таки руководство конференции посчитало: надо попробовать. Арбузов и Малюгин — известные, уважаемые писатели. Пошлем заранее телеграмму в Горький, в пароходство. Пусть им будет стыдно отказать таким знаменитостям. И через день получаем ответ: каюта забронирована! Многие им завидовали: надо же, как повезло! Два дня будут отдыхать и любоваться Волгой, а нам опять трястись в поезде с вечно влажным бельем...

И вдруг — еще одна телеграмма Арбузову и Малюгину: немедленно возвращайтесь в Москву, вас ждут паспорта и билеты в Финляндию на международный чемпионат. Малюгин, кажется, должен представлять там «Советский спорт», а Арбузов — «Литературную газету». Или наоборот.

В Щелыкове снова поднялась паника: получить билеты на единственный поезд в последний момент почти невозможно. А теплоход «Клемент Готвальд», на котором для них забронирована каюта, прибывает в Кинешму лишь через три

ber. Москва. - 1998. - 26 мая. - с. 7
Человека

26 мая Алексею Николаевичу Арбузову исполнилось бы 90 лет

дня плюс еще двое суток на дорогу до Москвы. К тому же ни Арбузов, ни Малюгин до сих пор не выступили на конференции, а все ждут, что они скажут, потому что мнения о спектаклях резко разделились.

Первым с обстоятельным докладом выступил профессор Владимир Александрович Филиппов. Говорил эмоционально, страстно, немного актерствуя. Знал и любил он Островского неистово. Был лично знаком со всеми стариками Малого театра. Временами казалось, что он и Щепкина, и Мочалова видел, не то что Садовских или Ермолову — до того образно и подробно рассказывал о них. При этом — никогда никакого амигошонства ни по отношению к ушедшим, ни по отношению к живым. Только по имени и отчеству, обязательно на «вы». Иногда, правда, мог сказать «сударь» или «сударыня». Но в устах Филиппова слова эти звучали как-то особенно уважительно-ласково, совсем не так, как у других...

Филиппову не нравились спектакли, в которых режиссеры позволяли себе какие-то вольности. Он настаивал на том, что по пьесам Александра Николаевича новые поколения зрителей должны узнавать, как жили, о чем думали, чем занимались наши предки. Отсюда такое придирчивое внимание к обстановке, манерам, реквизиту, прическам, платьям, речи.

Именно в тот сезон Андрей Михайлович Лобанов поставил в Театре сатиры один из лучших своих спектаклей — «На всякого мудреца довольно простоты». Филиппову работа эта явно пришлась не по душе. Но он, как и многие другие, знал, что Лобанов выпускал свой спектакль, будучи смертельно больным. Это обстоятельство помешало Владимиру Александровичу, человеку прямому, но корректному и деликатному, ввязаться в открытый бой. Он поставил вопрос о принципе. Однако так, что всем все стало ясно.

С Филипповым многие согласились. Но тут же объявились и оппоненты. Среди них — А. Н. Анастасьев и Е. Г. Холодов, известные театроведы и критики. Спектакль Лоба-

нова показался им не просто очередной удачей талантливого художника, но новым словом в интерпретации классики. Однако силы были неравными. К тому же апологеты Лобанова оказались в явном меньшинстве. И вот тут-то Арбузов после ужина взял подвернувшуюся в руки палку и повел нас с Малюгиным в Берендеев лес. Всю дорогу он говорил один. Малюгин, правда, иногда вставлял ядовитые реплики. А я вообще помалкивал.

Алексей Николаевич, подобно Дон Кихоту, сражался с ветряными мельницами. Он в пух и прах громил противников Лобанова, вспоминал мейерхольдовский «Лес» и «Горячее сердце» Станиславского, завязывал их в единый тугой узел. Потом перебрался к «Талантам и поклонникам» и «Бешеным деньгам» Лобанова и кончил «Мудрецом», от которого пришел в полный восторг.

Арбузов «показывал» Б. М. Тенина — Крутицкого, Н. И. Слонову — Мамаеву, Г. П. Менглету — Глумова, по памяти цитировал отдельные фразы и целые монологи. В нем явно пропал актерский талант! Затем вдруг остановился и говорит: «Вот это место!..». И снова играет, и снова показывает. Это был какой-то кипящий котел, переполненный впечатлениями, которыми ему нужно было с кем-то немедленно поделиться.

Сцена из спектакля «Мой бедный Марат»

— Отчего же вы не сказали всего этого на конференции? — явно подначивая, спросил Малюгин.

— И не скажу. Я об этом когда-нибудь напишу еще, вот увидите!

В этом «вот увидите!» не было никакой угрозы. Скорее надежда.

Арбузова часто упрекали в том, что он в своем творчестве был склонен к мелодраматизму и сентиментальности. И не без оснований. Но и то и другое рождалось у него из желания подарить своим героям надежду на счастье в любой ситуации, пусть даже и в самой неблагоприятной.

И в жизни Алексей Николаевич был неискоренимым оптимист. Во всяком случае я воспринимал его именно так. Отсюда и любовь к спорту, и любовь к людям, особенно молодым, которых он меньше всего хотел учить, но у которых сам готов был учиться постоянно.

...На другой день Малюгин произнес блестящую речь в защиту Лобанова. За обедом Арбузов сказал: «Надо было еще сильнее подчеркнуть достоинства лобановского спектакля. Но вообще-то вы замечательно сказали!».

После обеда начались сборы в дорогу. Билеты на поезд по такой телеграмме директор дома отдыха получил без особого труда. Мы проводили Арбузова и Малюгина до Волги, а когда вернулись в Щелыково, кто-то заметил: «Ну что они из-за какого-то чемпионата бросили конференцию и, как мальчишки, помчались на край света?».

— Во-первых, Хельсинки — не такой уж край света, — заметил критик Е. Г. Холодов. — Во-вторых, у вас только театр на уме да драматургия. А у них еще и спорт. Так что не знаю, кто кому в данном случае должен завидовать...